

Константин Николаевич Леонтьев

Как надо понимать сближение с народом?

Константин Николаевич Леонтьев

Как надо понимать сближение с народом?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177266

Константин Леонтьев. *Византизм и славянство*: АСТ, АСТ Москва,
Хранитель; Москва; 2007
ISBN 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5

Аннотация

«У нас давно уже говорят о «сближении» или даже о «слиянии» с народом. Говорят об этом не только агитаторы, неудачно пытавшиеся «ходить» в этот народ; не только умеренные либералы, желающие посредством училищ, земской деятельности и т. п., мало-помалу переделать русского простолюдина в нечто им самим подобное (то есть национально-безличное и бесцветное); о подобном «сближении» говорят, хотя и несколько по-своему, даже и люди охранительного, или, скажу сильнее, слегка реакционного, взгляда (я говорю *слегка*, ибо сильно реакционного взгляда людей у нас очень мало и они до сих пор еще не влиятельны)...»

Константин Леонтьев

Как надо понимать сближение с народом?

У нас давно уже говорят о «сближении» или даже о «слиянии» с народом. Говорят об этом не только агитаторы, неудачно пытавшиеся «ходить» в этот народ; не только умеренные либералы, желающие посредством училищ, земской деятельности и т. п., мало-помалу переделать русского простолюдина в нечто им самим подобное (то есть национально-безличное и бесцветное); о подобном «сближении» говорят, хотя и несколько по-своему, даже и люди охранительного, или, скажу сильнее, слегка реакционного, взгляда (я говорю *слегка*, ибо сильно реакционного взгляда людей у нас очень мало и они до сих пор еще не влиятельны).

Но как понимают эти умеренные охранители подобное «сближение» – вот в чем вопрос?

По нашему мнению, нужно не столько *слияние интересов*, сколько *сходство идей*. Не нам надо учить народ, а самим у него учиться. Мы *современные* европейцы, а народ наш не европеец; скорее его можно назвать византийцем, хотя и не совсем, вот чем он лучше и выше нас. Для нас вопрос решается так: *если культурная солидарность наша с Западом неотвратима и неисцелима, то национальное дело наше раз*

навсегда проиграно. Чтобы объяснить без обычных в литературе нашей ужимок, как мы понимаем эти ужасные слова (которые произнести даже и наедине с самим собою страшно), мы должны сказать вот что: правы ли мы или нет – это другой вопрос; но мы думаем, что все государства Западной Европы должны в не слишком продолжительном времени *отречься* решительнее прежнего *от всего того, что составляло национальные основы их государственного быта, и принять форму республик.* Сольются ли они постепенно все в один атеистический союз, или сгруппируются сперва только *по племенам,* или, наконец, эти *бесцерковные* республики останутся приблизительно в пределах тех государств, из которых они выродятся и будут жить бок о бок, подобно республикам Средней и Южной Америки, не сливаясь *государственно,* но ничем почти *культурно* и не разнясь друг от друга, – все это вопрос второстепенных оттенков, для нас, славян, не слишком существенных; ибо во всех этих случаях республиканский Запад будет еще враждебнее Русской Империи и союзу восточно-православных народов, чем была Европа монархическая. Подобно Соединенным Штатам Северной Америки, не пожелавшим выносить в Мексике соседства сильной империи, республики европейского Запада будут тяготиться формой нашего правления, прилагать все старания, чтобы изменить ее у нас, даже и посредством насилия. Подробнее здесь об этом я распространяться не буду. Мне кажется, это и так ясно.

Я не намерен также на этот раз «предсказывать», каков должен стать основной *экономический строй* этих европейских республик: «мещанский», т. е. либеральный, подобно строю нынешней Франции, или *принудительно-социалистический*... Хотя эта сторона вопроса для славян и России несравненно существеннее и важнее, но именно вследствие этой первостепенной важности дела о нем нельзя говорить слегка в статье, имеющей другую, специальную цель. На этот раз я позволю себе только мимоходом заметить еще вот что: во всех государствах и у всех наций нашего времени все однородные охранительные силы находятся в постоянной между собою борьбе; государство воюет с государством; религия с ожесточением борется против другой религии; представители одной аристократии противятся остаткам другой знати или последним могиканам другого дворянства; даже либеральная или полулиберальная буржуазия – и та, под знаменем национал-либерализма, выступает охотно и нередко на бой, даже и кровавый, против буржуазии соседней, ведомой под точно таким же государственно-племенным штемпелем, и т. д. В *эти минуты* буржуазия даже и от ежедневно попираемой ею религии вовсе не прочь!

Все охранительные силы Европы, говорю я, находятся теперь в постоянной и непримиримой борьбе между собою, и объединить их еще раз так, как объединились они в первой половине XIX века для борьбы против Франции и против напора ее демократических насилий, оказывается невоз-

возможным во второй половине истекающего века. *Согласны* везде между собой только одни анархисты, коммунисты и те, которые им потворствуют. Они согласны, и число их ежегодно и повсеместно растет; они убежденнее, тверже, решительнее людей всех других партий и учений. Идеал их прост и ясен. *Разрушить все прежнее*, расторгнуть все преграды; сначала анархия, организация – позднее; она придет сама собою. Это последовательно и даже сравнительно легко; ибо создание нового и даже охранительная поддержка раз созданного гораздо труднее разрушения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.